

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.33.1.10

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТРУДАХ В. Г. БЕЛИНСКОГО И Н. И. ПИРОГОВА

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды и идеи, сфокусированные в теориях развития и воспитания В. Г. Белинского и Н. И. Пирогова, являющиеся значимыми для отечественной истории психологической мысли XIX столетия. Имена этих мыслителей, их теории вошли в золотой фонд российской возрастной (детской) педагогической психологии, психологии личности. Общими для них стали проблемы духовно-нравственной психологии становящегося и развивающегося человека. Основополагающим феноменом в описаниях человека, его сущности, богатства внутреннего мира (психики), по мнению этих мыслителей, являлась борьба, причины которой определялись как личностно-ценностные, общественно полезные и армейско-военные. Психологические теории выдающихся отечественных мыслителей, их составляющие принципы, разработанные на основе длительных наблюдений, жизненного опыта и умозаключений, позволяли описывать природу феномена борьбы в повседневности человека, выделять ряд закономерностей, связанных с ним. Более важным явилось то, что психологические теории развития и воспитания позволяли предвидеть результат их воздействия на человека, сконструировать значимый для общества идеал. Представленные теории остаются ценными и в современной психологии, они содержат психологические механизмы, идеальные модели, подходящие для выделения тех атрибутов личности, которые позволяют ей стать успешной и полезной обществу.

Ключевые слова: психология сердца; человек борющийся; борьба; причины борьбы; психологические механизмы; рефлексия; поэзия; дружба; любовь; вдохновение; сочувствие; метаволя.

Для цитаты: Иванов Д. В. Психологические идеи в трудах В. Г. Белинского и Н. И. Пирогова // Системная психология и социология. 2020. № 1 (33). С. 120–134. DOI 10.25688/2223-6872.2020.33.1.10

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.
E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.33.1.10

PSYCHOLOGICAL IDEAS IN THE WORKS OF V. G. BELINSKY AND N. I. PIROGOV

D.V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article considers the views and ideas focused in the theories of development and education of V. G. Belinsky and N. I. Pirogov, which are significant for the national history of psychological thought of the XIX century. The names of these thinkers and their theories were included in the Golden Fund of Russian age (children's) psychology, pedagogical psychology, and personality psychology.

© Иванов Д. В., 2020

However, they shared the problems of spiritual and moral psychology of the emerging and developing person. According to these thinkers, the fundamental phenomenon in describing a person, his essence, and the richness of his inner world (psyche) was the struggle, which allowed them to represent the image of a struggling person of the modern era. The reasons for the struggle were defined as personally valuable, socially useful, and army-military. Psychological theories of outstanding Russian thinkers, their constituent principles, developed on the basis of long-term observations, life experience and conclusions, allowed to describe the nature of the phenomenon of struggle in everyday life, to identify a number of laws associated with it. More important was the fact that psychological theories of development and education made it possible to anticipate the result of the influence on a person, to construct an ideal significant for the society. The presented theories remain valuable in modern psychology. They contain psychological mechanisms and ideal models suitable for identifying those attributes of a person allowing it to become successful and valuable in the society.

Keywords: the psychology of the heart; struggling person; struggle; causes of struggle; psychological mechanisms; reflection; poetry; friendship; love; inspiration; empathy; metavolya.

For citation: Ivanov D. V. Psychological Ideas in the Works of V. G. Belinsky and N. I. Pirogov // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 1 (33). P. 120–134. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.33.1.10

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogics. Docent at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: ivanovdirkutska@yandex.ru

Введение

История отечественной психологии постоянно и заинтересованно рассматривает вопросы комплексного характера, связанные с пониманием человека и представлениями о нем, его сущности и возможностях развития в далеком прошлом, поскольку это позволяет обнаруживать те зоны ее роста, которые признаются актуальными на данном этапе ее формирования и становления [31: с. 5]. В рамках понимания собственной истории как оригинальной части развития мировой психологической науки [33: с. 164] реконструируются те взгляды и идеи, которые входят в теоретические предположения и в сами теории «недооцененных» мыслителей далекого прошлого, но остающихся важными для истории отечественной психологии как показатель оригинальности ее мысли. Интересным, точнее заслуживающим внимания, является такой показатель оригинальности отечественной психологической мысли, как феномен борьбы, представленный в своих описаниях и характеристиках в научном наследии многих российских мыслителей.

Борьба и ее значимость в психологии человека

Психологическая мысль XIX столетия, и особенно первой его половины, развивалась в условиях николаевской России. Николай I, прозванный в народе Палкиным, правил на протяжении тридцати лет (1825–1855). На фоне внешнего лоска военных мундиров, громогласных окриков, свистящих палок, усиливающейся бюрократизации, формализации и регламентации всего и вся делались колоссальные попытки сохранить статус-кво империи предыдущего правления. В 1836 г. было подтверждено монопольное право землевладельцев-помещиков на владение крепостными крестьянами (их «животом» и «душами»), усилены репрессии против инакомыслящих [10: с. 246–248]. Несмотря на это, в империи, пережившей глубокое потрясение после восстания декабристов в 1825 г., ряда крестьянских волнений 30–40-х гг. XIX в. [Там же: с. 162–173, 248], в духовно-нравственной жизни прогрессивного общества наметилась тенденция сличения своих идеалов с идеалами декабристов и передовой, «университетски образованной», думающей интеллигенции, а в повседневности — поиск нравственного образа современного человека [1: с. 81 и след.; 8; 9: с. 15 и след.; 11: с. 78–338; 13: с. 197–206; 14–16; 17: с. 37–73; 18; 19: с. 219–220;

21: с. 86–99; 22: с. 16; 23; 25: с. 31–33; 36; 37: с. 23–50; 40]. Психологическая мысль того времени опиралась на наследие философского века (А. С. Пушкин), идеалом которого была борьба и человек борющийся, стремящийся к духовному самопознанию и самосовершенствованию. Причинами такой борьбы выступали следующие мотивы:

- личностно-ценностные, значимые для человека, опознающего свое «я»;
- общественно-полезные, позволяющие человеческому сообществу глубоко познавать возможности своих сочленов;
- армейско-военные, стимулирующие героическое поведение истинных сынов отечества.

При описании морально-нравственного императива, развития нравственной психологической мысли того времени вновь возникает вопрос о человеке «внутреннем» и «внешнем».

Особый интерес здесь могут представлять теории развития и воспитания человека, составившие психологическое наследие В. Г. Белинского и Н. И. Пирогова, в котором борьбе и ее психологическим проявлениям отводится существенное место.

В. Г. Белинский: борьба человека — есть условие его жизни

Интерес к феномену борьбы как к определенному универсуму, как явлению в сущности человека, ее психологическому описанию и педагогической оценке проявил Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) — глубокий мыслитель, просветитель, знаток философии и психологии, литературный критик. С его именем, его научным творчеством в первой половине XIX в. связан следующий шаг в развитии научной психологии [14; 16; 21: с. 93–94; 23; 37: с. 28–33]. Известный историк общественной науки Л. А. Степашко дала точную оценку этому времени: «рассматриваемый период, характеризовавшийся в культурно-историческом развитии становлением национального самосознания, предстает в развитии педагогической мысли временем формирования общественно-педагогического сознания» [38: с. 138].

В. Г. Белинский (1811–1948).
Портрет кисти А. К. Горбунова. 1876 г.

В творческом наследии Белинского присутствуют идеи и теории психолого-педагогического характера. Его младшие современники писали, что он был «учителем и воспитателем русского общества», его «высших гуманитарных принципов» и стремлений, сам «сражался с замеченным им злом со всей присущей ему энергией и страстностью» [20: с. 444; 445]. Белинский, отмечали они, всю свою жизнь трудился над воспитанием своих современников, он «весь свой огромный талант, все свои благородные помыслы, весь яркий пламень своего чудного сердца» отдал этому делу [35: с. 1, 59].

Психологи и педагоги традиционно оценивают творчество Белинского как гениального мыслителя, оставившего потомкам духовное наследие, имеющее непреходящее значение [39: с. 47], считают его основателем революционно-демократического направления в гуманитарных науках [13: с. 198; 18: с. 49; 19: с. 242; 21: с. 93–94; 26: с. 96; 30; 41: с. 28; 44: с. 187], подчеркивают важность его воззрений для развития передовой русской психологии XIX столетия [32: с. 98]. Несмотря на это, изучение его наследия во всей его многозначности еще предстоит сделать.

Белинский через всю жизнь пронес неугасимый интерес к народной словесности (былины, легенды, сказки), используя даже в письмах метафоры, аллегории и сравнения, характерные для образов борьбы и борющегося человека [42: с. 207; 216]. Неудивительно, что он оказывается знаком и с кардиогностическим принципом, сохранившимся в отечественной культуре, с основами «сердцеведения» и «душесловия», морально-нравственной психологией философского века, пришедшими к нему вместе с новиковскими журналами, литературным и публицистическим наследием XVIII в. Значительны для истории психологической мысли высказывания Белинского о мотивах борьбы и ее значимости для личности человека в контексте нравственного развития и воспитания.

Белинский верит в человека, в возможность совершенствования его природы: «он рождается не разумным, но только способным быть разумным» [6: с. 15]). В целом он исходил из понимания человека как биологического существа с естественно данным ему от природы телом («за душою надо замечать организм», «за массой тела нужно видеть душу», а «по сложению своего тела он имеет страсти» [Там же]); присущие ему психические проявления мог объяснить наличием физиологического основания, материального субстрата.

Развитие, воспитание и самовоспитание — его идеалы: «воспитание есть первое благо человека, первая необходимость: от него зависит судьба всей его жизни», «доброе воспитание всего нужнее для молодого человека» [Там же: с. 17]. Человек — существо реальное («разумно-созидательная сущность»), ему присущ высокий статус и только ему свойственное человеческое достоинство, поэтому он принадлежит и к миру духовному, где господствует самопознание, где действуют идеалы человечности. Эти тезисы послужили основанием для создания теории развития и воспитания человека в рамках морально-нравственной психологии Белинского.

Современные исследователи справедливо подчеркивают, что для Белинского человек ценен как высшая цель воспитания [26: с. 96], как суть осмысления всей психологической

мысли. Человек в теории Белинского — это борец, оружием которого должна быть любовь, а смыслогенетической ценностью — человечность, под которой подразумевается, прежде всего, «живое соединение в одном лице тех общих элементов духа, которые равно необходимые для всякого человека, какой бы он ни был нации, какого бы он ни был звания, состояния, в каком бы возрасте жизни и при каких бы обстоятельствах ни находился, — тех общих элементах, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоценнейшее сокровище, и без которых он не человек» [5: с. 227]. Под общими элементами духа понимается доступность человеческих чувств, мыслей, степень их выраженности, а также принимается во внимание образованность человека, поскольку он предстает «разумно-сознательной сущностью и органом всего сущего». Чем более рельефно проявляется глубина его сущности, тем ему более доступно все человеческое, тем более он человек. По мнению Белинского, человеку («разумно-созидательной сущности») свойственно искать истину, а ее поиск есть интенция исследуемой русским мыслителем борьбы. Одухотворенность такой идеей позволяла ему писать следующее: «И благо тому, кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно несущейся жизни... но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремление, кто не был глух к голосу свыше: “Борись и погибай, если надо; блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои наслаются им и восхвалят вечного Бога сил и правды!” <...> Благо тому, кто, падая в борьбе за святое дело совершенствования, с упоением страстного блаженства погружался в успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дело жизни, и восклицал в священном восторге: “Все тебе и для тебя, а моя высшая награда — да святится имя твое и да придет царствие твое!..”» [5: с. 34].

Белинский видит в отдельном человеке целый мир «страстей, чувства, желаний, сознания», составляющий суть человеческой природы. Чем более человек проявляет свою причастность к общему миру человеческой природы, тем более он обозначен в рамках

внешней, общественно-полезной и даже армейско-военной борьбы, поскольку носит в своем духе, в своем сердце «жизнь общества» (чувствует, мыслит, страдает, блаженствует). Единственное, что заставляет мыслителя предостерегать о превратностях борьбы, так это наличие крайностей в случае окончательной победы, когда внутренний гражданин (сфера социальных ценностей) уничтожит внутреннего человека (сфера духовных ценностей), или наоборот, поскольку это будет также означать и конец противостояния, а значит, и нарушение гармонии жизни.

В своей теории развития и воспитания высоко духовного борющегося человека Белинский настаивает, что все живое есть результат борьбы: «Борьба — есть условие жизни: жизнь умирает, когда оканчивается борьба с объективным миром и, следовательно, с обществом, — но в борьбе, не в смысле восстания, а в смысле своего беспрестанного стремления то в ту, то в другую сторону» [5: с. 102]. Фактически он взаимоувязывает борьбу человека и его развитие, показывает соподчиненность диады «борьба – жизнь», где первая способствует проявлению второй; подчеркивает значимость борьбы и для существования и развития человеческого мира.

Обнаружив столь существенную значимость борьбы, Белинский дает ее феноменальные характеристики. «Выразить достоинство человеческое, проявить в себе идею Божества — вот назначение смертного, и вот почему вследствие справедливого закона вечной премудрости сила заключается в слабости, величие в ничтожестве, бесконечность в ограниченности, и вот почему скудельный, волнуемый своекорыстными страстями, сосуд человека может быть жилищем Духа Святого. Без борьбы нет заслуги, без усилий нет победы» [3: с. 396–397]. Здесь прослеживается взаимосвязь высказываний Белинского и известных в России положений из важного источника философской и психологической мысли — литературного памятника «Диоптра» (с др.-греч. Διόπτρα — «зеркало») [12: с. 301], имевшей хождение в списках начиная с XIV в. Носители русской педагогической культуры, создатели философских учений и психологических теорий были

знакомы с этим источником. Парадоксальные, на первый взгляд, сравнения, используемые мыслителем, служат на самом деле возможностью для обнаружения механизма «борения» — борьбы человека. Обыденность, ограниченность его существования и одновременно причастность к сакральности высшего идеала всегда создают основу борьбы для человека, стремящегося к изменению и преобразованию реальности. Победа в этой борьбе великая для человеческого существа, поскольку «власть естественного влечения сердца безгранична над волею». Поэтому, считает Белинский, когда нравственный закон торжествует, человек становится «героем, полубогом, представителем человечества, осуществившим своею личностью все могущество целого человечества; оттого, что права субъективного человека бесконечно сильны над душою и побеждаются только самоотвержением в пользу общего...» [5: с. 104–105]. Личностно-ценностная борьба как противостояние должного и желанного дает человеку возможность видеть себя «человечным», а осознание гуманизма способствует видению перспективы совершенствования. В то же время Белинский уверен, что всякий духовный процесс совершается с болью и страданием и это необходимое условие борьбы. Белинский пытается выявить все условия и причины возникновения борьбы, ратует за то, что человек готов воспринимать вещи как субъективно, так и объективно, хотя это создает возможность внутреннего разлада, той деструктивности, которая преобразуется впоследствии в гармоничность внутреннего борения. Субъективность и объективность в восприятии мира и иерархизация индивидуально выстроенных композиций значений и жизненных смыслов зависят от того, какой жизнью живет человек — для себя (внутренний человек) или для других (внутренний гражданин). Белинский обнаруживает себя здесь как наследника просветительских идей, рассуждений на эту же тему. Противопоставление внутреннего человека и внутреннего гражданина, а также объективного и субъективного есть важная составляющая теории развития и воспитания человека, по Белинскому. Аллегорический контекст подобных

размышлений помогает найти причинность — личностно-ценностную и общественно-полезную борьбу в ее внутреннем и внешнем проявлении. Белинский активно обсуждает проблемы человека, а именно человеческого, нравственного в нем.

Методами и способами внутреннего борения и внешней борьбы для Белинского являются «рефлексия», «поэзия», «дружба», «любовь».

Так, говоря о борении, он замечает, что в «состоянии рефлексии человек распадается на два человека, из которых один живет, а другой наблюдает за ним и судит о нем» [7: с. 87]. Рефлексия способствует внутренней борьбе как возможности для осмысления себя, своих поступков и действий; формирует или сводит на нет желание «внешней» борьбы, находит свое выражение в поэзии как сущности «тончайшего эфира», «квинтэссенции» жизни.

Поэзия в теории развития и воспитания человеческого в человеке у Белинского предстает как аллегория борьбы: «огненный взор юноши, кипящего избытком сил; это его отвага и дерзость, его жажда желаний, неудержимые порывы его стремления... это сосредоточенная, овладевшая собою сила мужа, вполне созревшего для жизни, искушенного ее опытами, с уравновешенными силами духа, с просветленным взором, готового на битву и на подвиг...» [7: с. 122]. Столь возвышенное описание поэзии как концепта борьбы человека свойственно Белинскому, вводящему в свою теорию развития и воспитания еще и понятие «дружба», которая «есть роза с роскошным цветом, упоительным ароматом, но и с колючими шипами» [7: с. 97]. По мнению русского просветителя, каждая индивидуальность по своей природе враждебна, она противостоит другой и старается влиять на последнюю, а возникающее взаимное трение необходимо, поскольку оно позволяет заимствовать одной индивидуальности от другой все недостающее до полного своего самоосуществления. Заметим, что понятие «враждебность», используемое Белинским, является важным для понимания личностно-ценностной и общественно-полезной причинности борьбы в становлении как отдельного человека, так и общества в целом

(сообщества индивидуальностей). Дружба способствует гармонизации борьбы человека, его нравственному совершенствованию «благородством в поступках», «утонченностью в обращении», «нежностью и добротой».

Однако для Белинского борьба имеет каждый раз различное содержание. Так, уже само присутствие в человеческой борьбе радости, страха, ужаса, т. е. всего, что составляет основание эмоционального мира человека, говорит о неоднозначности, а именно о «разноликости» (содержания) борьбы. Продвигаясь по пути, например, «ужасной борьбы», можно потерять силы, ожесточиться, но также можно достичь разумности и блаженства, стать «причастником» радостей своей жизни, «торжествующим победителем над злым гением жизни» [4: с. 632]. Представляя сознательную деятельность человека как путь к совершению подвига жизни, который «равно для всех тяжел и ужасен», автор указывает на источник силы для борьбы — «правосудие и любящее провидение Божие», а именно «таинственную симпатию», «душевную гармонию» — «эфирный пламень любви» [3: с. 398]. И поскольку, по мнению Белинского, борец как герой поисков уже обречен на «уединенную и суровую жизнь», то любовь укрепляет его духовные силы, необходимые для жизненного противоборства. Мы можем признать, что в теории развития и воспитания человека у Белинского любовь выступает внутренним содержанием борьбы, нравственно окрашенным чувством. Хотя позже Белинский придет к осознанию важности противоборства не только в духовном совершенствовании человека, но и в реалиях существования общества, подготовки к действительности молодого поколения; любовь у него остается идеальным содержанием его гуманистических представлений о борьбе.

Борьба необходима индивиду для достижения радости в жизни, в разрешении его вопроса о долге, определяемого как стремление к добру и противоборство со злом. Именно в такой гуманной, объективно востребованной борьбе и видится мыслителю «могущественный двигатель жизни». Борьба («рефлексия», «поэзия», «дружба», «любовь») ориентирует человека и на достижение вершин в саморазвитии.

Высшей целью борьбы для Белинского было счастье человечества и прежде всего счастье народа. Сам Белинский мог ошибиться в выборе путей и средств борьбы, но «его никогда не обманывало чувство беззаветной любви к родине, сознание своей неотделимости от родного народа» [30: с. 48]. Белинский сам являлся истинным сыном отечества, что роднит его личный образ с его предшественниками, авторами такого понимания и назначения человека в России в XVIII столетии, начале XIX в. (М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, И. А. Крылов, И. П. Пнин).

Резюмируя идеи Белинского, нельзя не отметить его указание на два пути (метода) развития и воспитания, а именно разума («рефлексия») и чувств («поэзия», «дружба», «любовь»), которые сливаясь в деятельности — борьбе, — гармонизируют человеческие потребности, мотивы и возможности, заставляя борющегося человека преодолевать и побеждать себя, возвышаться над собой — «телесным» и неразумным существом (нравственная самооценка).

В целом теория развития и воспитания Белинского обосновывает фундаментальность, необходимость борьбы (внутренней и внешней) как условия жизни человека, определяет ведущую роль борения для развития и воспитания человека, указывает на источники противоборства — потребность в истине, «пламени любви», исполнении долга; принимает во внимание концепты, расширяющие представления о борьбе, — рефлексия, поэзию, дружбу, любовь; представляет борьбу как духовный процесс, дисгармонию и гармонию, возможность достижения истины, выполнения стоящей перед человечеством задачи нравственного самопреобразования (себя и своего мира). Теория развития и воспитания человека Белинского существенно обогатит представления духовно-нравственной психологии в России, столь чувствительной к ней, как показывает история отечественной психологической мысли.

Стремление Белинского к нравственному и духовному совершенству человека-борца, создает определенную преемственность его взглядов и тех ценных для психологической мысли результатов, которых активно

и настойчиво добивались выдающиеся российские мыслители — В. Н. Татищев, А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев и др. Идеи Белинского найдут своих последователей и в середине, и в конце XIX в. Среди тех, кого будет интересовать морально-нравственная психология, теории развития и воспитания настоящего человека, окажется выдающийся естествоиспытатель, врач, мыслитель Н. И. Пирогов.

Н. И. Пирогов:

готовить человека с юных лет к борьбе

Вопросами развития и воспитания человека интересовался умный и европейски образованный деятель эпохи [43: с. 71], основатель современной медицины, русский естествоиспытатель, врач, педагог и психолог Николай Иванович Пирогов (1810–1881). Историки психологии находят у него ряд значимых психологических идей и теорий, считают Пирогова выразителем передовых взглядов на развитие человека, одним из основателей отечественной возрастной и педагогической психологии [2: с. 2, 22: с. 16; 23; 17: с. 53–55; 24; 25: с. 31–33; 40; 44: с. 275]. Публикация в 1856 г. его статьи «Вопросы жизни» [27] явилась феноменом в отечественной культурной жизни постниколаевской России и стала началом общественно-педагогического движения в России [38: с. 144]. Эта вполне ожидаемая публикация оказалась очень важной для становления отечественной возрастной и педагогической психологии, развития ее теории. Мысль о том, что в результате воспитания индивид приобретает человеческое достоинство, благодаря Пирогову стала все шире и шире распространяться в 60-е гг. XIX в. [22: с. 16; 25: с. 23].

Будучи доктором медицины и профессором, Пирогов выступил продолжателем естественно-научной парадигмы отечественной психологии, считая реальным объяснением психических процессов у человека их материальную обусловленность.

Человеку присуща чувствительность и определенная жизненная трансформация

Н. И. Пирогов (1810–1881).
Портрет кисти И. Е. Репина. 1881 г.

ощущений, которая проявляется в ходе его онтогенетического развития, как спонтанного, так и специально организованного. Человек в процессе индивидуального развития, освоения жизненного опыта, сохраненного в культуре, потенциально готов к ощущению мира и формированию своего собственного. Его «влечет» к ощущениям, их повторяемость способствует развитию у него потребности ощущать, расширению и обогащению мира чувственности, что помогает в успешной деятельности как в ходе общения и взаимодействия, так и в овладении искусством, творчеством. Чувственное отношение к миру направляет и активное его восприятие. Сам жизненный мир становится источником восприятий не только созерцательного, но и активного характера. «Воображение себя» и лучшего в себе ведет человека к самопреобразованию (самоперевоспитанию). Различное по уровням своего проявления человеческое мышление, обеспечивает общую динамику психики, организует в единую систему приобретаемые знания, опыт, мысли о себе и мире окружающих людей. Воля человека поднимает его из «ничтожества» и выводит из тени

«произвола». Проблемы человека возникают с эмоциональными оценками себя и действительности. Поэтому необходимо находить возможное решение таковой проблемы.

Будучи воспитанным в российской культуре, Пирогов был восприимчив и к тем составляющим ментального отечественного опыта, где свое отражение нашла психология сердца, опиравшаяся с древнейших времен на кардиогностический принцип, выражавший морально-нравственный аспект его эмоциональных оценок окружающего мира, мироощущения и мировосприятия русского человека. Помимо уверенности в наличии материального субстрата психических процессов, «грубого вещественного мира, постигаемого нашими чувствами», Пирогов допускает наличие скрытого от чувств другого мира, «составленного из веществ несравненно более тонких», недоступных возможностям ограниченного человеческого ума, переступающего за грань возможного, «пределы материи» и становящегося духом [28: с. 668]. Человек испытывает нужду в становлении себя как человеческого существа, и одной «грубой» материей в опознании своей сущности не обойтись. Мир человека в представлении Пирогова усложняется, когда речь заходит о человеческой сущности, явном отличии от ее сугубо природной выраженности. Человек нуждается в духовном измерении своего мира.

Именно здесь, в этом мире духовном лежит, по мнению Пирогова, потребность в человеческом достоинстве, поскольку грубому вещественному миру нет никакой надобности в оценке человеческого достоинства.

Однако, как выясняется, человеческое достоинство требует своего восхождения путем борьбы. Борьба видится Пирогову как «высокая» и «идеальная» («для недостижимого на земле идеала») [28: с. 664]. Мыслитель пришел к убеждению, что борьба — прямое назначение человека, суть его духовной жизни. Борьба, по Пирогову, это возможность осмысления мира и самого себя; стремление к идеалу; определенная форма самопознания; умение жертвовать собой, сочувствовать, сопереживать другим; способность к убеждениям и в конечном итоге — открытие «я» на разных этапах собственного развития.

Рассуждая о человеческой борьбе, решая проблему ее личностно-ценностной причинности, Пирогов отдает приоритет внутриличностному «борению» человека, возвращаясь к понятию о «внутреннем» и «внешнем» человеке, продолжая тем самым традиции философского века. Так, мыслитель говорит о противостоянии «внутреннего» человека «внешнему», подразумевая здесь борьбу между инстинктами и силой воли [28: с. 665].

Пирогов отмечал разницу между такими понятиями, как «борьба» и «вражда», предостерегал от их «смешения» в восприятии. Борющийся человек должен беспристрастно любить то, с чем борется, и не испытывать вражды, а это позволяет ему, преодолевая себя, победить в этой борьбе. «Вы пытаетесь начать борьбу и убеждаетесь, что вы не умеете ее вести *без вражды*, не умеете *любить* беспристрастно то, с чем боретесь, не умеете достаточно *оценить* того, что хотите победить» [29: с. 46]. Только в ходе реализации принципа «любить без вражды», а также благодаря сформированным умениям в оценке явлений материального или духовного характера или другого человека человек становится борцом-атлетом, развивающим свои возможности.

Пирогов представляет атлета, которому предстоит пройти путь «роковой борьбы» [28: с. 71]. Последний, «роясь в тайниках души», отмечает «все мгновения» морально-нравственной свободы, решает вопросы жизни, «вступив в борьбу с собою и окружающими» [28: с. 76]. Такой атлет должен иметь от природы «хотя какое-нибудь притязание на ум и чувство», которые могут способствовать борьбе и самодвижению его личности. Неудивительно, что в представлении Пирогова это должен быть интеллектуально подготовленный, чувствующий эмоции другого человек, воспитанный вне «схоластики и догматизма», поскольку он тот, кто стремится к перевоспитанию себя. Желание и умение «перевоспитываться» — это тоже одно из решений основных вопросов жизни.

Фактически формируется такое представление о борющемся человеке и его борьбе, которое будет оказывать существенное влияние на становление всей психологической мысли

в России, так или иначе тяготеющей к проблемам, связанным с развитием и воспитанием, т. е. решением вопросов жизни, поднимаемых Пироговым в своей статье в 1856 г. [27].

Психологическими условиями развития борющегося человека называются в «пироговской теории» следующие: 1) воспитание должно быть «приноровлено» к способностям и темпераменту; 2) нравственные основы должны соответствовать «направлению, сообщаемому обществом». Пирогов полагает важным тот факт, что личностно-ценностная борьба становится общественно полезной и даже армейско-военной, хотя бы уже потому, что само общество заинтересовано в воспитании каждого отдельного человека, своего «сочлена».

Достаточно подробно останавливается Пирогов на рассмотрении смыслогенетической ценности психологического механизма борьбы для человека. Свой «путь в борьбу» последний начинает с возникающего у него желания осмотреться и решения нравственной дилеммы. «Человеческому духу, всецело и всесторонне развитому, присуща склонность употреблять и применять им приобретенное, без всякой насильственной подготовки» [28: с. 207].

Возникающая потребность в перевоспитании себя помогает узнать «внутреннего» человека, который способен пересилить «наружного». В их противостоянии («дуализме», «двойственности») кроется нравственная дилемма — основание духовно-нравственной психологии человека, понимающего и принимающего ответственность за достижение человеческого достоинства, стремление к идеалам человека с большой буквы.

Стремящийся к перевоспитанию сравнивает себя в зеркале нравственности с «атлетом человечества», ищет свой идеал («убеждение»), борется с собственным дуализмом, поскольку «самое простое наблюдение открывает этот дуализм в беспрестанной борьбе между наружным и внутренним человеком, между влечениями инстинктов и силой воли» [28: с. 665]. Человек поднимается до уровня духовного осознания необходимости и смысла гармоничной личностно-ценностной борьбы.

Источником для развития и воспитания человека является вдохновение и сочувствие («Светло и торжественно вдохновение; оно как праздничная одежда облекает дух, устремляя его на небо»; «Томно и тихо сочувствие; оно как заунывная песнь напоминает отдаленную родину» [29: с. 46]), которые поддерживают его в исканиях и самовоспитании. Вдохновение рождает и волю борющегося человека. В умозаключениях Пирогова связь между вдохновением и волей была очевидной, что явилось одним из принципов построения им психологической теории борьбы.

Воля человека инициирует, регулирует, детерминирует борьбу, без которой в мире людей обнаруживается «ничтожество и произвол» [28: с. 78], о чем многократно будут говорить и на что указывать отечественные философы, психологи и педагоги конца XIX – начала XX в. (В. И. Лядов, Н. Ф. Бунаков, П. Ф. Лесгафт, Н. Х. Вессель, К. Д. Ушинский, В. В. Гориневский, Н. К. Михайловский, П. А. Кропоткин, В. А. Снегирёв, П. Ф. Каптерев, К. Н. Вентцель, Л. Е. Оболенский, Н. Е. Румянцев, А. П. Нечаев, М. М. Рубинштейн, М. Ф. Беляев, В. Н. Сорока-Росинский и др.) [15; 16]. Важным и трудным путем к борьбе является испытание воли. Пирогов обращает внимание на то, что «индивиды, живя в обществе, должны были испытать эту борьбу», но они сражаются с «бессознательной чувственностью», без «нравственной воли», которая всего лишь есть «подражание», «победа воли над чувственностью» — «только одна победа инстинкта над инстинктом» [28: с. 671].

Самопознание человеком себя дает ему возможность бороться «на сознании нравственной воли», где «Я хочу» полноценно торжествует над его инстинктами и чувственными желаниями. Пирогов был уверен, что чем «грубее и громче вопль инстинкта», тем легче бороться, поскольку «противник» становится видимым [28: с. 671]. Мыслитель практически превозносит волю до уровня метаволи: она уже над человеком, а сомнение в себе умножает ее силу для возникающей борьбы. Поэтому человек становится способен к высшему вдохновению, развивающемуся

из созерцания и отвлечения, а также к самопожертвованию, отказу от эгоизма, и только в этом случае его «перевоспитание свершилось», он переходит на уровень духовного борения, соответствующего самовоспитанию.

Особое значение приобретает понятие «сочувствие» («Сочувствие — магнетизм души» [28: с. 674]), являющееся важным концептом психологии сердца, того кардиогностического принципа в описании человека, который «впечатан» в ментальность русского человека. Сочувствие нравственно выдержанное («нравственная воля») составляет основание морально-нравственной психологии, в которую свой вклад внесла теория развития и воспитания Пирогова.

Не оставил без внимания мыслитель и возрастные особенности борющегося человека: «Дайте время начать борьбу с самим собой и в ней окрепнуть» [29: с. 405]. Пирогов различает детский, подростковый возраст, а также «взрослость». Требуется постоянное изучение индивидуальных особенностей воспитываемого человека, особого и пристального — в период детства. Пирогов подчеркивает необходимость постепенности в физическом развитии и нравственном становлении человека («Приготовить нас с юных лет к этой борьбе — значит именно: “Сделать нас людьми”...» [28: с. 64]). Только в случае постепенного взросления и борьбы с самим собой (сочетании физического и нравственного) бытие человека появляется как истинное, а не кажущееся, здесь и решается вопрос «быть или казаться», который ставит в своих психолого-педагогических размышлениях русский естествоиспытатель. Так, начиная с момента осознания желания перевоспитать себя (период отрочества), человек готовится к испытаниям и вступает в противоборство, получая бесценный опыт (молодость), а пройдя все этапы борьбы (зрелость), в дальнейшем старается создать условия для передачи своих знаний другим, для поиска «сочувствия» в этих своих стремлениях у близких.

Феномен борьбы у Пирогова актуален для человечества в целом, без указания на конкретный пол, он показателен для человека, его нравственного совершенствования. Для Пирогова борьба — тот психологический

механизм, который позволяет организовать эмоционально-волевой мир («сочувствие», телесность человека) и воображаемый («вдохновение», разумность человека), направить его нравственное воспитание и самовоспитание.

Достижением в теории Пирогова также явилось выделение ценностей как индивидуального, так и социального уровня, главными из которых являются:

- самопожертвование как отказ от собственного эгоизма;
- метаволя, способствующая высшему вдохновению;
- борьба как способ достижения вечности;
- определение источников борьбы («вдохновение» и «сочувствие»);
- подчеркивание общечеловеческой значимости феномена борьбы, ее общественной полезности;
- выделение возрастных этапов в борьбе и их личностно-ценностной причинности, а также психологических условий развития борющегося человека: соотнесенность требований (воспитание) с темпераментом, индивидуальными способностями индивида (развитие) и запросами (морально-нравственными приоритетами) общества.

Для Пирогова борьба личностно-ценностная, общественно-полезная (и армейско-военная, по необходимости) гармонична, проявляется внешне и внутренне, способствует развитию и совершенствованию человека.

Заключение

История отечественной психологии наглядно свидетельствует о необходимости творческого поиска того уникального, часто забытого в проведенных на предыдущих этапах реконструкции, наследия тех мыслителей, чьи идеи составляют основание научной психологии в России. Именно взгляды российских мыслителей XIX в. обеспечили отечественной психологической мысли оригинальность взглядов, идей и теорий, потенциал которых остается вплоть до настоящего

времени неиспользованным. Взгляды и представления, «материалистические психологические идеи» В. Г. Белинского и Н. И. Пирогова стали своего рода важным этапом в формировании научной психологии в середине – конце XIX в. в России. Белинский и Пирогов рассматривали сущность человека, условия формирования богатства его внутреннего мира (психики), размышляли о психических свойствах личности. Их объединяло глубокое научное знание, схожесть взглядов на отечественную психологическую традицию (кардиогностический принцип, психология сердца). Их идеалом в ходе развития и воспитания человека являлась борьба, которая представлялась также и как психологический механизм, позволяющий формировать и развивать значимые качества человека (морально-нравственные), организовывать и вести процесс развития в нужном направлении, к вершинам человеческого в человеке. Основными конструктами борьбы как психологического механизма являлись рефлексия, поэзия, дружба, любовь, вдохновение, сочувствие. Сам человек с его телесно-духовной сущностью виделся как борющийся, как стремящийся к духовному самопознанию и самосовершенствованию себя как сочлена общества. Поводами для проявления его борцовских усилий выступали следующие мотивы: личностно-ценностные, позволяющие опознать ему свое «я»; общественно-полезные, направляющие человеческое сообщество на пути глубокого познания возможностей своих сочленов; армейско-военные, стимулирующие героическое поведение истинных сынов отечества.

Психологические теории выдающихся отечественных мыслителей, их составляющие принципы, разработанные на основе длительных наблюдений, жизненного опыта и умозаключений, позволяли описывать природу феномена борьбы в повседневности человека, выделять ряд закономерностей, связанных с ним. Более важным явилось то, что психологические теории развития и воспитания позволяли предвидеть результат воздействий на человека, сконструировать значимый для общества морально-нравственный идеал. Представленные теории остаются ценными

и в современной психологии, они содержат психологические механизмы, идеальные модели, подходящие для выделения тех атрибутов личности, которые позволяют ей стать успешной и полезной обществу.

Современный подход к психологии должен учитывать все многообразие психологических высказываний мыслителей прошлого, тех идей, которые исторически уже вписаны в анналы ее истории. Особый интерес здесь могут представлять теории развития и воспитания человека, составившие психологическое наследие в творчестве В. Г. Белинского и Н. И. Пирогова, где борьбе и ее психологическим проявлениям отводится существенное место. Сами теории этих мыслителей

прошлого — существенный вклад в психологию, в частности, в морально-нравственную, столь важную для настоящего времени и общества.

Наши современники справедливо замечают, что человек исследуется разными науками, но все они «приходят к необходимости учета данных психологии», поскольку «синтез разносторонних знаний о человеке является важным условием развития психологического знания» [34: с. 72]. История отечественной психологии, будучи самобытной составляющей мировой психологической мысли [33: с. 144], зримо свидетельствует об этом в той своей части, где рассматривает феномен борьбы и человека борющегося.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков: монография. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Бармин С. В.** Психолого-педагогическое наследие Н. И. Пирогова и современность: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 1998. 24 с.
3. **Белинский В. Г.** Сочинения. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1881. Ч. 1. 532 с.
4. **Белинский В. Г.** Сочинения. 5-е изд. М.: Русская типо-литография, 1884. Ч. 3. 636 с.
5. **Белинский В. Г.** О воспитании умственном и нравственном / сост. А. Н. Сальников. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1898. 160 с.
6. **Белинский В. Г.** Полное собрание сочинений: в 13 т. / ред. Н. Ф. Бельчиков. Т. 1: Статьи и рецензии, художественные произведения. 1829–1835 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 574 с.
7. **Белинский В. Г.** Статьи и рецензии / сост., вступ. ст., прим. И. Я. Полякова. М.: Московский рабочий, 1971. 464 с.
8. **Беркович Э. Л.** Очерки по истории психологии в России в XVIII и первой половине XIX в.: дис. ... канд. пед. наук. Чкалов: Чкаловский гос. пед. ин-т им. В. П. Чкалова, 1939. 280 с.
9. **Большакова В. В.** Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.): монография. Ч. 1: Проблема формирования личности. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. 160 с.
10. Всемирная история: в 10 т. / отв. ред. Н. А. Смирнова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Т. 6. 830 с.
11. **Вульфович А. М.** Критический био-библиографический обзор русской психологической литературы первой половины XIX века: дис. ... канд. пед. наук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1945. 821 с.
12. «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья / [изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг; отв. ред. М. Н. Громов]. М.: Наука, 2008. 731 с. (Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси).
13. **Ждан А. Н.** История психологии: от Античности до наших дней. 7-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект; Фонд «Мир», 2007. 576 с.
14. **Заркуа М. Б.** Психологические взгляды В. Г. Белинского (рассмотренные и изложенные в связи с его же эстетическими взглядами): автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). Кутаиси: Кутаисский госпединститут им. Ал. Цулукидзе, 1952. 16 с.
15. **Иванов Д. В.** Феномен борьбы в философско-психологической рефлексии отечественных мыслителей (Н. И. Новиков, Н. И. Пирогов, Д. И. Писарев, Н. П. Огарев, Н. Г. Чернышевский) // Вестник ИрГСХА. 2004. Вып. 25. С. 91–101.
16. **Иванов Д. В.** Генезис философско-психологической рефлексии о борьбе у российских мыслителей (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен, Н. К. Михайловский, П. А. Кропоткин) // Вестник ИрГСХА. 2005. Вып. 27. С. 81–97.

17. **Клыпа О. В.** Истоки психолого-педагогической мысли в России. М.: ВЛАДОС, 2017. 199 с.
18. **Корнетов Г. Б.** Развитие историко-педагогического процесса в контексте цивилизованного подхода: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М.: Ин-т теорет. пед. и междунар. исслед. РАО, 1994. 64 с.
19. **Костюк Г. С.** Избранные психологические труды / под ред. Л. Н. Прокопиенко. М.: Педагогика, 1988. 304 с.
20. **Кропоткин П. А.** Этика: избр. труды. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
21. **Кузьмин Е. С., Якунин В. А.** Развитие психологии в XVII – XIX веках. Л.: ЛГУ, 1982. 112 с.
22. **Кулешова Л. Н.** История отечественной психологии воспитания, 60-е гг. XIX – XX вв.: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1999. 43 с.
23. **Мироненко В. В.** Вопросы психологии личности в трудах В. Г. Белинского: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М.: АПН РСФСР; НИИ психологии. 1954. 13 с.
24. **Никольская А. А.** Роль Н. И. Пирогова в русской педагогической психологии // Вопросы психологии. 1982. № 1. С. 127–133.
25. **Никольская А. А.** Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России: монография. Дубна: Феникс, 1995. 336 с.
26. **Овчинникова Н. П.** Идея патриотизма и Отечества в истории русской педагогики // Педагогика. 2007. № 1. С. 93–102.
27. **Пирогов Н. И.** Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. Т. 23. № 8–9. С. 24–51.
28. **Пирогов Н. И.** Избранные педагогические сочинения / сост., введ. ст. проф. В. З. Смирнова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1952. 702 с.
29. **Пирогов Н. И.** Избранные педагогические сочинения / сост. А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенок. М.: Педагогика, 1985. 469 с.
30. **Познанский Н. Ф.** В. Г. Белинский о воспитании: монография. М.: Учпедгиз, 1949. 128 с.
31. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
32. **Рубинштейн С. Л.** Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с.
33. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воен. изд-во, 2004. 240 с.
34. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
35. **Седов Л.** Белинский о воспитании, индивидуальном и общественном // Вестник воспитания. 1898. № 4. С. 1–59.
36. **Теплов Б. М.** Психологические взгляды В. Г. Белинского // Советская педагогика. 1948. № 5. С. 38–60.
37. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
38. **Степашко Л. А.** Философия и история образования. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 1999. 272 с.
39. **Столетов В. Н.** Становление личности: монография. М.: Мысль, 1987. 336 с.
40. **Урунтаева Г. А.** Теоретико-методические основы изучения воспитателем ребенка-дошкольника в истории отечественной психологии (вторая половина XIX – 20–30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2003. 503 с.
41. **Шабалева М. Ф.** В. Г. Белинский как создатель революционно-демократической педагогической теории 40-х годов XIX века // Советская педагогика. 1945. № 1–2. С. 28–36.
42. **Шер Н. С.** Рассказы о русских писателях. М.: Детгиз, 1957. 510 с.
43. **Шпет Г. Г.** Очерк развития русской философии. I / отв. ред.-сост., коммент., археограф. работа Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2008. 592 с. (Российские Пропилеи).
44. **Ярошевский М. Г.** История психологии: монография. 3-е изд. дораб. М.: Мысль, 1985. 575 с.

References

1. **Ananyev V. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov: monografiya [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries: monograph]. М.: OGIЗ, 1947. 168 p.

2. **Barmin S. V.** Psixologo-pedagogicheskoe nasledie N. I. Pirogova i sovremennost': avtoref. dis. ... kand. psixol. nauk [Psychological and pedagogical heritage of N. I. Pirogov and the present: abstract. dis. ... cand. psychol. sciences]. Tver, 1998. 24 p.
3. **Belinsky V. G.** Sochineniya [Compositions]. Part 1. M.: Printing house of A. I. Mamontov and Co., 1881. 532 p.
4. **Belinsky V. G.** Sochineniya [Compositions]. 5th ed. Part 3. M.: Russian typographic lithography, 1884. 636 p.
5. **Belinsky V. G.** O vospitanii umstvennom i npravstvennom [On the education of mental and moral] / comp. A. N. Salnikov. SPb.: Publishing house by V. I. Gubinsky, 1898. 160 p.
6. **Belinsky V. G.** Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. [Complete works: in 13 vol.] / ed. by N. F. Belchikov. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. Vol. 1: Articles and reviews, artworks. 1829–1835. 574 p.
7. **Belinsky V. G.** Stat'i i recenzii [Articles and reviews / comp., vst. art., approx. I. Ya. Polyakova]. M.: Moscow Worker, 1971. 464 p.
8. **Berkovich E. L.** Oчерки по истории psixologii v Rossii v XVIII i pervoj polovine XIX v.: dis. ... kand. ped. nauk [Essays on the history of psychology in Russia in the 18th and first half of the 19th century: dis. ... cand. ped sciences]. Chkalov: Chkalovsky state ped. institute of them. V. P. Chkalov, 1939. 280 p.
9. **Bolshakova V. V.** Oчерки istorii russkoj psixologii (XIX – nachalo XX vv.): monografiya. Ch. 1: Problema formirovaniya lichnosti [Essays on the history of Russian psychology (XIX – early XX centuries): monograph. Part 1: The problem of personality formation]. Nizhny Novgorod: Publishing house of the volgavyatka personnel center, 1994. 160 p.
10. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. [World history: in 10 vol. / open. ed. N. A. Smirnova]. M.: Publishing house of socio-economic literature, 1959. Vol. 6. 830 p.
11. **Vulfovich A. M.** Kriticheskij bio-bibliograficheskij obzor russkoj psixologicheskoy literatury` pervoj poloviny` XIX veka: dis. ... kand. ped. nauk [A critical bio-bibliographic review of Russian psychological literature of the first half of the 19th century: dis. ... cand. ped sciences]. L: LSPI them. A. I. Herzen, 1945. 821 p.
12. «Dioptra» Filippa Monotropa: antropologicheskaya e`nciklopediya pravoslavnogo Srednevekov`ya [“Dioptra” by Philip Monotropus: the anthropological encyclopedia of the Orthodox Middle Ages / [ed. preparation. G. M. Prokhorov, H. Miklas, A. B. Bilyug; open ed. M. N. Gromov]. M.: Nauka, 2008. 731 p. (Monuments of religious and philosophical thought of Ancient Russia).
13. **Zhdan A. N.** Istoriya psixologii: ot Antichnosti do nashix dneij. 7-e izd., ispr. i dop [History of psychology: from antiquity to the present. 7th ed., rev. and add]. M.: Acad. Project; Fund “Mir”, 2007. 576 p.
14. **Zarkua M. B.** Psixologicheskie vzglyady` V. G. Belinskogo (rassmotrenny`e i izlozhenny`e v svyazi s ego zhe e`steticheskimi vzglyadami): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (po psixologii) [Psychological views of V. G. Belinsky (reviewed and presented in connection with his aesthetic views): author. dis. ... cand. ped sciences (in psychology)]. Kutaisi: Kutaisi State Medical University named after Al Tsulukidze, 1952. 16 p.
15. **Ivanov D. V.** Fenomen bor`by` v filosofsko-psixologicheskoy refleksii otechestvenny`x my`sliitelej (N. I. Novikov, N. I. Pirogov, D. I. Pisarev, N. P. Ogarev, N. G. Cherny`shevskij) [The phenomenon of struggle in the philosophical and psychological reflection of domestic thinkers (N. I. Novikov, N. I. Pirogov, D. I. Pisarev, N. P. Ogarev, N. G. Chernyshevsky)] // Bulletin of the Irkutsk State Agricultural Academy. 2004. Issue. 25. P. 91–101.
16. **Ivanov D. V.** Genesis filosofsko-psixologicheskoy refleksii o bor`be u rossijskix my`sliitelej (V. G. Belinskij, N. A. Dobrolyubov, A. I. Gercen, N. K. Mixajlovskij, P. A. Kropotkin) [The genesis of philosophical and psychological reflection on the struggle of Russian thinkers (V. G. Belinsky, N. A. Dobrolyubov, A. I. Herzen, N. K. Mikhailovsky, P. A. Kropotkin)] // Bulletin of Irkutsk State Agricultural Academy. 2005. Issue. 27. P. 81–97.
17. **Klypa O. V.** Istoki psixologo-pedagogicheskoy my`sli v Rossii [The origins of psychological and pedagogical thought in Russia: textbook]. M.: VLADOS, 2017. 199 p.
18. **Kornetov G. B.** Razvitie istoriko-pedagogicheskogo processa v kontekste civilizovannogo podxoda: doklad dis. ... d-ra ped. nauk [The development of the historical and pedagogical process in the context of a civilized approach: report of the diss. ... dr ped. sciences]. M.: Institute of theoretics ped. and international researched RAO, 1994. 64 p.
19. **Kostyuk G. S.** Izbranny`e psixologicheskie trudy` [Selected psychological works / ed. L. N. Proko-lienko]. M.: Pedagogy, 1988. 304 p.
20. **Kropotkin P. A.** E`tika: izbr. trudy` [Ethics: fav. works]. M.: Politizdat, 1991. 496 p.

21. **Kuzmin E. S., Yakunin V. A.** Razvitie psixologii v XVII – XIX vekax [The development of psychology in the XVII – XIX centuries]. L.: Leningrad State University, 1982. 112 p.
22. **Kuleshova L. N.** Istoriya otechestvennoj psixologii vospitaniya, 60-e gg. XIX – XX vv.: avtoref. dis. ... d-ra psixol. nauk [History of domestic psychology of education, 60s. XIX - XX centuries: author. dis. ... dr. psychol. sciences]. St. Petersburg, 1999. 43 p.
23. **Mironenko V. V.** Voprosy` psixologii lichnosti v trudax V. G. Belinskogo: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk (po psixologii) [Questions of personality psychology in the works of V. G. Belinsky: author. dis. ... cand. ped. sciences (in psychology)]. M.: APN RSFSR; Research Institute of Psychology. 1954. 13 p.
24. **Nikolskaya A. A.** Rol` N. I. Pirogova v russkoj pedagogicheskoj psixologii [The role of N. I. Pirogov in Russian educational psychology] // Questions of Psychology. 1982. № 1. P. 127–133.
25. **Nikolskaya A. A.** Vozrastnaya i pedagogicheskaya psixologiya v dorevolucionnoj Rossii: monografiya [Age and pedagogical psychology in pre-revolutionary Russia: a monograph]. Dubna: Phoenix, 1995. 336 p.
26. **Ovchinnikova N. P.** Ideya patriotizma i Otechestva v istorii russkoj pedagogiki [The idea of patriotism and the Fatherland in the history of Russian pedagogy] // Pedagogy. 2007. № 1. P. 93–102.
27. **Pirogov N. I.** Voprosy` zhizni [Questions of life] // Marine Collection. 1856. Vol. 23. № 8–9. P. 24–51.
28. **Pirogov N. I.** Izbranny`e pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical essays / comp., input. art. prof. B. Z. Smirnova]. M.: Publishing house of the APN of the RSFSR, 1952. 702 p.
29. **Pirogov N. I.** Izbranny`e pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works / comp. A. N. Aleksyuk, G. G. Savenok]. M.: Pedagogy, 1985. 469 p.
30. **Poznansky N. F.** V. G. Belinskij o vospitanii: monografiya [V. G. Belinsky on education: monograph]. M.: Uchpedgiz, 1949. 128 p.
31. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** Istoriya psixologii s sistemny`x pozicij [The history of psychology from a system perspective] // System Psychology and Sociology. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
32. **Rubinstein S. L.** Osnovy` obshhej psixologii: v 2 t. [Fundamentals of General Psychology: in 2 vols]. M.: Pedagogy, 1989. Vol. 1. 488 p.
33. **Ryzhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`сли. Puti i zakonomernosti [The history of psychological thought. Ways and patterns]. M.: Military. Publishing House, 2004. 240 p.
34. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya. 2-e izd. [Systems Psychology: monograph. 2nd ed]. M.: T8 Publishing Technologies, 2017. 356 p.
35. **Sedov L.** Belinskij o vospitanii, individual`nom i obshhestvennom [Belinsky about education, individual and public] // Bulletin of education. 1898. № 4. P. 1–59.
36. **Teplov B. M.** Psixologicheskie vzglyady` V. G. Belinskogo [Psychological views of V. G. Belinsky] // Soviet pedagogy. 1948. № 5. P. 38–60.
37. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR: monografiya [The development and current state of psychological science in the USSR: monograph]. M.: Pedagogy, 1975. 352 p.
38. **Stepashko L. A.** Filosofiya i istoriya obrazovaniya [Philosophy and history of education: textbook]. M.: Mosk. Psycho-Social Institute; Flinta, 1999. 272 p.
39. **Stoletov V. N.** Stanovlenie lichnosti: monografiya [Becoming a person: monograph]. M.: Thought, 1987. 336 p.
40. **Uruntaeva G. A.** Teoretiko-metodicheskie osnovy` izucheniya vospitatelem rebenka-doshkol`nika v istorii otechestvennoj psixologii (vtoraya polovina XIX – 20–30-e gg. XX v.): dis. ... d-ra psixol. nauk [Theoretical and methodological foundations of the teacher educating a child - a preschooler in the history of Russian psychology (second half of the XIX – 20–30-ies of XX century): dis. ... dr. psychol. sciences]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2003. 503 p.
41. **Shabaeva M. F.** V. G. Belinskij kak sozdatel` revolyucionno-demokraticheskoj pedagogicheskoj teorii 40-x godov XIX veka [V. G. Belinsky as the creator of the revolutionary democratic pedagogical theory of the 40s of the XIX century] // Soviet Pedagogy. 1945. № 1–2. P. 28–36.
42. **Sher N. S.** Rasskazy` o russkix pisatelyax [Stories about Russian writers]. M.: Detgiz, 1957. 510 p.
43. **Shpet G. G.** Ocherk razvitiya russkoj filosofii. I [Essay on the development of Russian philosophy. I / otv ed.-comp., commentary, archaeographer. work T. G. Shchedrin]. M.: ROSSPEN, 2008. 592 p. (Russian Propylaea).
44. **Yaroshevsky M. G.** Istoriya psixologii: monogr. 3-e izd., dorab. [History of psychology: monograph. 3-rd ed., dorab]. M.: Thought, 1985. 575 p.